

ЭТНО- КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ (БРЕСТЧИНЫ) В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

УДК [39+008](476.7)

ББК 63.5(4Бел)

Э91

А в т о р ы:

А. Вл. Гурко, В. В. Шейбак, А. Викт. Гурко, И. Г. Бочило,
И. В. Олюнина, А. Н. Вабищевич, А. А. Крумплевская,
Л. В. Ракова, И. В. Романенко, И. А. Швед, С. В. Грунтов,
Т. А. Новоградский, Н. С. Бункевич, Ю. С. Прокофьева

Н а у ч н ы й р е д а к т о р

А. Викт. Гурко

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук В. А. Федосик,
доктор исторических наук М. А. Беспалая

Работа выполнена в рамках задания Государственной программы научных исследований на 2016–2020 годы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограммы №1 «История и культура», задания 1.02.05. «Современные этнические традиции Республики Беларусь».

Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. Викт. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 621 с. : ил.

ISBN 978-985-08-2551-3.

Коллективная монография белорусских этнологов дает комплексное представление об этнокультурных традициях, этнической и этноконфессиональной истории, историографии культуры Полесья, этнических, демографических, миграционных и этносоциальных процессах, особенностях материальной (места памяти, одежда, традиции питания, традиционные ремесла), социальной (семейные отношения, национально-культурные объединения) и духовной (календарные праздники и обряды) культуры населения Западного Полесья (Брестчины).

Адресована историкам, краеведам, студентам учреждений высшего образования, организаторам регионального туризма, будет полезна широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края.

УДК [39+008](476.7)

ББК 63.5(4Бел)

ISBN 978-985-08-2551-3

© Национальная академия наук Беларуси, 2020

© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2020

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена комплексному исследованию этнокультурных процессов одного из шести историко-этнографических регионов Беларуси – региону Западного Полесья (Брестчины), и является пятой из серии «Этнокультурные процессы историко-этнографических регионов Беларуси». Предыдущие книги были посвящены комплексному рассмотрению Восточного Полесья (2010), Понеманья (2014), Центральной Беларуси (Минщины) (2016) и Белорусского Подвинья (Витебщины) (2017). На страницах книги представлен один из наиболее своеобразных регионов Беларуси, который имеет ярко выраженные этнические, лингвистические и этнокультурные особенности, сформировавшиеся во многом благодаря природно-географическому фактору.

В белорусской этнологической науке Западное Полесье рассматривается как историко-этнографический регион Беларуси, занимающий большую часть территории современной Брестской области и расположенный в верхнем участке бассейна р. Припяти и ее притоков – рек Пины и Ясельды, включая правобережную часть р. Западный Буг. Природно-географический фактор во многом определил этнографическое своеобразие Полесья, способствовал консервации этнического, лингвистического и культурного своеобразия региона. Как уже отмечалось в первой книге нашей серии, на территории Полесья сконцентрированы и в значительной мере сохранились уникальные, нередко архаичные формы материального и духовного наследия, уже не характерные не только для Беларуси, но и для других регионов славянского мира. Это делает Полесье настоящим заповедником для исследователей этнической культуры, содействуя сохранению этого культурного наследия и включению его в сокровищницу мировой культуры.

Согласно археологическим и лингвистическим данным, освоение этих территорий праславянами относится к началу I тысячелетия до н. э., о чем свидетельствует распространение стжижовской, а в дальнейшем тшинецко-комаров-

ской археологических культур. В первой половине XIV в. западнополесские (брестско-пинские) земли были присоединены к Великому Княжеству Литовскому (ВКЛ). При этом Берестье (Брест) в 1390 г. первым из белорусских городов получило самоуправление на основе магдебургского права. В XVII в. уже фиксируется в дальнейшем широко распространившаяся региональная этнонимическая форма, обозначающая коренных жителей полесского края, в том числе и Западного Полесья, – «полешуки» («полещуки», «полыщуки»).

Белорусские этнологи считают, что население Западного Полесья представляет собой специфическую этнографическую группу и отмечают пестрый этнический состав, своеобразие языковой ситуации и уникальный культурный ландшафт этого региона. Известный белорусский этнолог И. В. Чаквин утверждал, что специфика этногеографического, этногенетического, а также административно-территориального положения региона между белорусами (на востоке), волянянами (на юге), мововшанами (на юго-западе), аукштайтами и литвинами (на западе и северо-западе) отразилась в бытовании на этих землях различных топонимических форм – «Русь», «Черная Русь», «Литва», «Падляшша», «Полесье» и др. Этот большой пограничный район в политико-административном отношении входил в состав Новогрудского княжества и Волинской земли, позже – Виленского, Трокского, Новогрудского и Подляшского воеводств.

Особенности полиэтнической структуры региона сохраняются и в настоящее время. Так, по данным переписи 2009 года в Брестской области зафиксированы представители 89 этнических групп. При этом, несмотря на полиэтничность региона, в котором исторически проживают представители многих народов (татары, армяне, азербайджанцы, грузины, литовцы, латыши, немцы, цыгане, молдаване, казахи и др.), доля неславянского населения Брестчины остается незначительной: в 1989 г. белорусы, русские, украинцы и поляки вместе составляли 99,3 % от количества всех жителей области. В 2009 г. 88,0 % населения Брестской области отнесли себя к титульному этносу – белорусам. Русскими назвали себя 6,4% жителей области, украинцами – почти 3,0 %, к полякам себя отнесли 1,3 %. В десятку наиболее многочисленных этнических групп Брестчины также вошли армяне, татары, цыгане, азербайджанцы и литовцы. С естественной убылью населения, а также с миграционным оттоком в настоящее время связано изменение численности представителей основных этнических групп, например, евреев, количество которых сократилось с 1999 г. почти в 2,0 раза. За десятилетие между переписями 1999 и 2009 года в области значительно сократилась численность немцев, вьетнамцев, грузин, удмуртов, молдаван, чувашей. Вследствие усиления миграционных процессов в регионе увеличилось количество представителей новых этнических групп – китайцев (в 8,4 раза), турок (в 4,8 раза), туркмен (в 3,1 раза).

Западнополесский регион Беларуси отличается особенностями формирования этноконфессиональной структуры, которая складывалась на про-

тяжении столетий под влиянием этнических процессов и этнополитической истории. С XIII в. Берестейские земли входили в состав Туровской епископии, одной из двух наиболее древних епископий (наряду с Полоцкой). Самым древним из известных православных монастырей в регионе был Свято-Рождества-Богородичный, основанный в урочище Леща возле Пинска (впервые упоминается в документах в 1263 г.). С распространением православных традиций связано предание об основании Бреста, приведенное известным этнографом конца XIX – начала XX в. А. Киркором, согласно которому «некий богатый и знатный вельможа проезжал этой дорогой среди непроходимых болот, поросших берестом. Поезд загряз в болоте, тогда пришлось вырывать берест и настилать дорогу, а когда добрались до берега реки, вельможа велел построить здесь церковь и назвал это место Берестом».

На фоне поликонфессионального разнообразия на протяжении столетий в регионе доминируют православные традиции. В Западном Полесье сложилась уникальная православная культура, школа храмостроительства, иконографии. Известный исследователь полесской культуры, белорусский этнограф И. А. Сербов считал, что крупнейшим центром иконописи, производства крестов и церковной утвари был Давид-Городок.

В Западном Полесье на протяжении столетий появляются святые и святыни, особо почитаемые верующими – православными, католиками, униатами. Это одна из святынь Полесского региона – Купятицкая икона Божией Матери, которую некоторые исследователи считают древнейшей среди чудотворных икон, явленных на белорусских землях. Особо почитают в регионе преподобномучеников Макария Пинского и Афанасия Брестского, памятник которому был установлен в 2005 г. возле Свято-Симеоновского собора г. Бреста. В середине XVIII в. на белорусских землях распространяется культ белорусского католического святого – блаженного Андрея Боболи, история жизни которого связана с Пинщиной.

Нахождение территории в составе Польши в 1919–1939 гг. оказало определенное влияние на сохранение высокого уровня религиозности населения Брестчины, консервацию отдельных элементов традиционного уклада, а также на распространение здесь большого количества протестантских общин.

Для Западного Полесья характерна поликонфессиональная структура, которая складывалась на протяжении веков. Так, по свидетельству П. Шпилевского, «Брест в разные времена заселяем был иезуитами, реформатами, кальвинами и униатами, то и храмов иноверческих было немало». Здесь получили распространение разные направления восточного и западного христианства, а также иудаизм и ислам.

Таким образом, этноконфессиональная структура региона включала не только христианские конфессии, но и иудаизм и ислам. По описанию историков, Брест в начале XVI в. являлся главным городом воеводства и имел православные храмы, костелы, синод кальвинистов и знаменитую

еврейскую синагогу. В XIX в., после установления «черты оседлости», иудаизм занимал значительное место в этноконфессиональной структуре Западного Полесья. Так, в середине XIX в., по сведениям церковных историков, православное население составляло 20 % от всего населения Бреста, еврейское население – 68 %, католики – 9 %, лютеране – 3 %. В традиционном культурном наследии населения Западного Полесья фиксируется присутствие татарского этнокультурного элемента, что подтверждают историки, фольклористы, этнографы и искусствоведы. Например, они пишут, что «издревле в местечке Давид-Городок живут татары».

Вопросам происхождения и этнической истории населения Западного Полесья, особенностям семейного быта, жилища, одежды, традиций питания, верований, праздников полешуков посвящены работы историков, филологов, этнографов, фольклористов, краеведов. Так, сведения по традиционной материальной и духовной культуре, народным верованиям населения Полесья можно найти в работах известных этнографов и фольклористов XIX–XX вв. Е. Романова, П. Шейна, С. Карского, А. Богдановича, В. Добровольского, О. Кольберга, И. Носовича, М. Косича, Ю. Крачковского, Н. Анимелле, А. Киркора, П. Шпилевского, М. Федоровского, И. Сербова, Ч. Петкевича, Й. Обремского, К. Машинского и др. Материалы, собранные в данном регионе, легли в основу теоретических трудов выдающихся ученых XX в. Н. Толстого, С. Толстой, В. Иванова, В. Топорова, С. Токарева, А. Байбурина, Ю. Лотмана, С. Лурье, Т. Агапкиной и др.

Современные белорусские ученые также активно работали над исследованиями этого региона. В период с 1970 по 2000-е годы сотрудники Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы НАН Беларуси (В. К. Бондарчик, Л. И. Минько, М. Ф. Пилипенко, А. И. Локотко, А. Викт. Гурко, А. Вл. Гурко, Г. И. Касперович, И. В. Чаквин, А. Н. Курилович, Т. И. Кухаронак, В. Н. Белявина, Л. В. Ракова, Т. А. Новогродский, В. Ф. Батяев, О. Г. Яценко, А. С. Федосик, А. С. Лис, К. П. Кабашников, О. Н. Шарая, А. М. Ненадовец, В. С. Новак, А. В. Морозов и др.) занимались сбором материала по культурному наследию Полесья, чем создали основу для написания фундаментальных трудов: «Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья» (Минск, 1987); «Полесье. Материальная культура» (Киев, 1986); «Беларусы. Этнаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі: атлас» (Мінск, 1996); «Беларусы» (т. I–XIII, Мінск, 1995–2012); «Беларуская народная творчасць» (более 50 т.) и др.

Созданию данной монографии предшествовали комплексные этнологические исследования, проведенные в минувшие 20 лет. На основе современных подходов авторским коллективом было проведено обобщение исследований материальной, социальной и духовной культуры населения Западного (Брестского) Полесья от древности до нашего времени. В ходе выполнения задания «Современные этнические традиции Республики Беларусь» подпрограммы «История и культура» Государственной программы научных исследований на 2016–2020 годы «Экономика и гуманитарное

развитие белорусского общества» сотрудниками отдела народоведения Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси были проведены дополнительные сравнительные исследования этого региона. В создании монографии также приняли участие преподаватели Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (А. Н. Вабищевич, И. А. Швед), Белорусского государственного университета (Т. А. Новгородский, И. Г. Бочило, И. В. Олюнина).

Монография состоит из семи глав, которые дают комплексное представление об этнокультурных традициях, ранней этнической и этноконфессиональной истории, историографии этнической культуры Полесья, этнических, демографических, миграционных и этносоциальных процессах, особенностях материальной (места памяти, одежда, традиции питания), социальной (семейные отношения, национально-культурные объединения) и духовной (календарные праздники и обряды) культуры населения Западного Полесья (Брестчины).

Этническая история, этногенез и основные этапы этнической истории населения региона, этнический состав населения, этнополитические вызовы, формы идентичности, перечень этнонимов, анализ языковой ситуации рассматриваются в первой главе «Этническая история Западного Полесья (Брестчины)» (автор В. В. Шейбак). В ней также сделан обзор разнообразных концепций и методологических подходов к исследованию становления и развития этого историко-этнографического региона.

Обзор особенностей и тенденций развития этноконфессиональной истории Западного Полесья; характеристика развития религиозных организаций в прошлом и настоящем, анализ современной конфессиональной структуры; определение влияния религиозных традиций на современные этнические процессы Брестчины представлены во второй главе «Этноконфессиональная история Западного (Брестского) Полесья» (авторы А. Вл. Гурко, А. Викт. Гурко).

В третьей главе «Этническая культура населения Западного Полесья (Брестчины) в работах исследователей XIX – начала XXI в.» рассматривается история исследования этнической культуры Западного (Брестского) Полесья. В параграфе «Этнографическое изучение материальной культуры населения Западного Полесья XIX – начала XXI в.» (автор И. Г. Бочило) дан обзор трудов этнографов XIX – начала XX в., представлены результаты многолетних исследований культуры Западного Полесья. В параграфе «Труды польских этнологов, посвященные особенностям социальной культуры населения Западного Полесья в 1920–30-х гг.» (автор И. В. Олюнина) приводится описание локального своеобразия и трансформации социальной культуры населения Полесья в работах польских исследователей первой трети XX в.

В четвертой главе «Этносоциальная структура Брестчины в XX – начале XXI в.» рассматриваются деятельность национально-культурных объединений в первой половине XX и начале XXI в., динамика этнической

структуры населения Западного Полесья в XX – начале XXI в., естественная и миграционная убыль населения, миграционные процессы, процессы межкультурного и межэтнического взаимодействия. В параграфе «Общественно-культурная деятельность этноконфессиональных общностей Полесского воеводства в 1921–1939 гг.» (автор А. Н. Вабищевич) дается характеристика этнополитических процессов на Полесье в составе Польского государства, а также освещается деятельность белорусских культурно-просветительских организаций (польских, еврейских, русских, украинских). В параграфах «Особенности этносоциальной структуры населения Брестской области в конце XX – начале XXI в.» и «Деятельность национально-культурных объединений Брестской области на современном этапе» А. А. Крумплевской приведена характеристика современной этносоциальной структуры региона.

Представления о традициях воспитания в полесской семье, традиционных семейно-брачных отношениях; структура традиционной семьи, ее основные функции; особенности демографических процессов на территории Брестчины в советский и современный периоды освещены в пятой главе «Семья и семейные традиции в Западном (Брестском) Полесье» (авторы Л. В. Ракова, И. В. Романенко).

Рассмотрение календарных праздников, обычаев и обрядов как части этнической и культурной жизни региона; уникальный фактический материал, собранный белорусскими фольклористами и этнографами на территории Западного Полесья, входят в шестую главу «Календарные праздники Западного Полесья» (автор И. А. Швед).

Особенности материальной культуры населения Западного Полесья (Брестчины) – места памяти в Брестской области, традиционный костюм населения Западного и Центрального Полесья в конце XIX – первой половине XX в., традиции питания белорусов Западного Полесья и культура традиционного питания этнических общностей Брестской области в конце XX – начале XXI в., традиционные ремесла и промыслы Брестчины – представлены в седьмой главе «Материальная культура населения Западного Полесья (Брестчины)» (авторы С. В. Грунтов, Л. В. Ракова, Т. А. Новогродский, Н. С. Бункевич, Ю. С. Прокофьева).

Авторы книги признательны за помощь в сборе материалов для написания данной книги работникам Государственного архива Брестской области и сотрудникам Брестского областного исполнительного комитета.

Материалы, представленные на страницах данной монографии, могут быть полезны историкам, краеведам, студентам учреждений высшего образования, организаторам регионального туризма, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края.

А. Вл. Гурко

1

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ (БРЕСТЧИНЫ)

В. В. Шейбак

Западное Полесье (в более широком понимании – Брестчина) является историко-этнографическим регионом, в отношении которого в научной среде сложились и во многом сохраняются стереотипы, характеризующие этот край как весьма своеобразный, особенный, специфический и в чем-то даже легендарный. Круг научно-исследовательских вопросов и задач, связанных с изучением исторического и экономического развития, традиций социальной, материальной и духовной культуры, языкового многообразия и фольклора Западного Полесья, поистине обширен и имеет перспективы к постановке новых проблем, осмысливать и решать которые предстоит в будущем новым поколениям ученых. Для отечественной этнологии одной из важнейших, сложных и остроактуальных проблем является комплексное исследование этногенеза и основных этапов этнической истории населения западнopolесского края (Брестчины).

Традиционно в белорусской этнологической науке Западное Полесье рассматривается как историко-этнографический регион Беларуси, занимающий большую часть территории современной Брестской области. Регион расположен в верхнем участке бассейна р. Припяти и ее

притоков – рек Пины и Ясельды, на западном направлении включая правобережье р. Западный Буг. На территории Беларуси западнopolесский край граничит с двумя историко-этнографическими областями. На севере, беря за ориентир верховье рек Нарев и Ясельды, он граничит с Понеманьем, на северо-востоке и востоке по ведущей к северу линии от Телехан и Лунинца и далее по междуречью Горыни и Ствиги – с Восточным Полесьем [36, с. 208]. На западе, юго-западе и юге Западное Полесье отделяется границами от прилегающих территорий Польши и Украины. Несмотря на наличие в настоящее время государственной границы, западнopolесский край исторически и в этнокультурном контексте тесно связан с украинским Волинским Полесьем.

Согласно археологическим и лингвистическим данным, выделение из индоевропейской семьи праславян осуществилось в середине III тысячелетия до н. э. Праславы постепенно осваивали новые территории в восточном и северо-восточном направлениях. К началу I тысячелетия до н. э. восточная граница праславян проходила по рекам Ясельда–Припять–Горынь. В западной части Полесья с начала освоения этой территории и приблизительно до сере-

Локация Западного Полесья как историко-этнографического региона на карте современной Республики Беларусь (источник: сайт Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта)

дины I тысячелетия до н. э. была распространена стжижовская археологическая культура, а в дальнейшем (примерно в XV–XII вв. до н. э.) – тшинецко-комаровская. Родственной этой культуре в восточной части правобережного Полесья, а также и на левобережном, являлась сосницкая археологическая культура. Многочисленными племенами тшинецко-комаровской культуры были заняты большие пространства в Центральной и Восточной Европе (от Среднего Поднепровья на востоке до Одера на западе). Южная граница проходила вдоль северного склона

Карпат, а северная – по Припяти [19, с. 72].

В конце II тысячелетия до н. э. население тшинецко-комаровской и сосницкой культур активно включается в процесс этнокультурной дифференциации, вследствие чего возникают новые этнические объединения. В восточно-европейском пространстве – от рек Эльбы на западе, Горыни на востоке, среднего Дуная на юге и Припяти на севере – формируется новая археологическая культура – лужицкая (относится к эпохе поздней бронзы и раннего железа), которая существовала на

этих территориях до V в. до н. э. В VII–II вв. до н. э. большая часть полесского региона была заселена носителями милоградской культуры. Позднее на этой же территории развивалась и зарубинецкая культура [12, с. 3]. К I в. н. э. племена зарубинецкой культуры в своем движении вдоль р. Днепр достигли параллели г. Могилева. Памятники данной культуры, относящиеся к последним векам до н. э. и первым векам I тысячелетия н. э., зафиксированы на всем Полесье, но особенно много их выявлено в верхнем течении р. Припяти, по берегам ее притоков – рек Горыни, Стыры, Случи [19, с. 72–73]. Хотя среди ученых по вопросу этнической принадлежности племен зарубинецкой культуры нет единого мнения (высказываются предположения об их связи с германцами, славянами, балтами), превалирует тезис, согласно которому они признаются предками славян.

К VI в. в южных районах Полесья – к югу от рек Ясельды и Припяти – возникли поселения пражско-корчакской археологической культуры, однозначно идентифицируемой как славянская. Процесс славянской колонизации Полесья был затруднен наличием естественной преграды – р. Припяти, разделявшей проживавших на юге региона славян и жителей севера – балтов. Активное продвижение и расселение славян в северных районах Полесья осуществлялось после VII в. Велика вероятность, что эти переселенцы были представителями восточнославянской языковой группы. В то время население северной части западнopolесского региона выделя-

лось культурной неоднородностью. Там были распространены памятники тушемлинско-банцеровской (восточнобалтской) культуры, а также древности пруссо-ятвяжских и литовских племенных групп. В связи с активизацией миграции славян в северные районы Полесья постепенно развивался процесс ассимиляции проживавших в этой местности балтов (западно- и восточнобалтских племенных групп) [19, с. 73–74].

На территории Западного Полесья и соседних с регионом областей основными славянскими племенными группами, установившими прочные контакты с балтами, были дреговичи и волыняне. Одним из центров, вокруг которых в регионе консолидировались дреговичи, был западнopolесский город Пинск. Дреговичская земля граничила на севере с полоцкими кривичами, на юге – с волынянами-бужанами и древлянами, на востоке – с радимичами, на западе же она простиралась до Подляшья и Литвы [19, с. 74–75]. По мнению белорусского этнолога В. С. Ти-

Белые аисты – один из символов Белорусского Полесья. Пинский район. Август 2010 г. Фото В. В. Шейбака

това, население Западного Полесья формировалось преимущественно на славянской основе (дреговичи, древляне, воляняне, бужане), но с участием ассимилированных ятвягов, отдельных групп мазовшан и др. [37, с. 122].

В XIV–XVI вв. на ситуацию в западнополесском регионе (как и на других белорусских землях) оказывали влияние новые политические, социально-экономические и этнокультурные процессы, следствием которых стало формирование трех восточнославянских этнических общностей – русской, украинской и белорусской. В этнообразующий процесс закономерно был вовлечен и полесский край (включая западную его часть), в пределах которого проявилась тенденция к этнотерриториальной конвергенции, причем с охватом внеполесских территорий Белой и Черной Руси на севере, Галицко-Волинской

и Чернигово-Киевской Руси на юге. Однако претендовавшее на роль гегемона в решении задачи объединения западной части восточнославянских земель Галицко-Волинское княжество, ослабленное нашествием (затронувшим и западнополесский регион) в XIII в. ордынцев, уступило набиравшему силу Великому Княжеству Литовскому, Русскому и Жемойтскому (ВКЛ). В первой половине XIV в. западнополесские (брестскопинские) земли были присоединены к ВКЛ [19, с. 76–77; 38, с. 40]. Примечательно, что в составе государства ВКЛ Берестейщина (Берестейская земля) сохраняла областную автономию, а Берестье (Брест) в 1390 г. первым из белорусских городов получил самоуправление на основе магдебургского права [3, с. 123; 37, с. 123].

В связи с заключением Королевством Польским и ВКЛ в 1569 г. Лю-

Памятник основателям города Кобрин – волянскому князю Владимиру-Иоанну Васильковичу и его жене княгине Ольге Романовне. г. Кобрин. Около 2009 г.

блинской унии, которой была заложена основа для слияния этих двух государств в одно конфедеративное – Речь Посполитую, весь полесский край был разделен на «литовскую» (белорусские земли, включая Западное Полесье) и «польскую» (территории Украинского Полесья) части. В ту эпоху язык «русских» (восточных славян) на территории ВКЛ был более распространен, нежели языки иных этнических общностей. Старобелорусский язык являлся разговорным языком элитарных кругов – князей, феодальной знати. На этом языке велось делопроизводство, что свидетельствует о признании его в ВКЛ официальным. Правда, в конце XVII в. в западнополесском регионе, как и в других частях Беларуси, официальным и общегосударственным языком стал польский [19, с. 77–78].

Наряду с языковым фактором на этнические процессы в регионе влиял и фактор конфессиональный. В XIV–XVI вв. в полесском крае распространялись два направления христианства – православие и католицизм. Православная конфессия в Западном Полесье имеет очень давние традиции, и уже в X–XIII вв. она активно способствовала осуществлению процесса консолидации (на основе единого вероисповедания) групп, составлявших население региона. Католицизм в регионе начал распространяться значительно позже – с XIV в. Проводимая правящими кругами внутренняя политика, направленная на окатоличивание православного населения, вызывала сопротивление последнего. В определенной степени борьба за свою

веру одновременно являлась борьбой за сохранение своей самобытности [19, с. 78]. В 1596 г. в г. Бресте состоялся церковный собор, на котором был провозглашен акт (заключена уния) об организационном объединении православной церкви с католической на территории Речи Посполитой. Фактически это означало образование новой конфессии – греко-католической (униатской), признававшей верховенство папы римского и принявшей определенные догматы католицизма. При этом униаты сохраняли свою иерархию, многие православные обряды, церковнославянский язык и др. Такое ре-

Каплица католического святого Андрея Боболи (известен как «апостол Полесья», «Пинский апостол») на месте его убийства казаками Богдана Хмельницкого. г. Янов (Иваново). 1930-е гг. (источник: сайт телеканала «Настоящее время»)

шение церковного вопроса вызвало резкое недовольство части православного населения Беларуси и в последующем привело к обострению межконфессиональных отношений [9, с. 55; 38, с. 159–160]. В западнополесском регионе в середине XVII в. конфессиональный антагонизм проявлялся крайне жестокими актами насилия (к примеру, убийство члена ордена иезуитов Андрея Боболи в 1657 г.).

Негативное восприятие униатства можно объяснить тем, что создание новой конфессии разрушало сформировавшийся баланс поликонфессиональной структуры белорусского общества. От православных требовалось скорректировать мировоззренческие установки, пересмотреть отношение к традициям предков, сложившиеся этнические стереотипы, касающиеся языка, культуры, религиозных норм. Это воспринималось как посягательство на складывавшийся веками уклад жизни. В Западном Полесье православное население ответило на насильственное навязывание новой формы христианства участием в ряде городских и крестьянско-казацких восстаний [19, с. 79].

Для различных групп восточнославянского населения полесского края были характерны этногенетическая близость и осознание общности их исторических судеб. В ходе активных межэтнических контактов в приграничье образовывались районы со смешанными этническими признаками, одна часть которых более типична для белорусов, другая – для украинцев. Вместе с тем наблюдалась определенная этнонимиче-

Пышно убранные (украшенные рушниками, цветами, лентами) придорожные кресты – традиционная и типичная для Западного Полесья малая архитектурная форма культового назначения. Пинский район. Август 2010 г. Фото В. В. Шейбака

ская дифференциация населения края, выразившаяся в XIV–XVI вв. в том, что украинцы, в частности, именуя себя «русинами», белорусов называли «литвинами», а те, в свою очередь, точно так же определяя себя «русинами», идентифицировали группы украинского населения этниконами «волынские», «подольские», «черкасы» и др. Здесь же следует отметить наличие и у белорусского, и у украинского населения этнонимических форм с корнем «рус» – «русины», «русские», «руси» и др. Общим для белорусов и украинцев являлся этнический топоним «Русь» [19, с. 79–80].

В исторических источниках первой половины XVII в. уже фиксируется получившая в дальнейшем широкое распространение региональная этнонимическая форма, обозначающая коренных жителей полесского края, в том числе и Западного Полесья, – «полешуки» («полешуки», «польщуки»). Этимологически формирование данного этнонима связано с топонимом «Полесье». Ареал распространения этой этнонимической категории, по мнению ученых, охватывает: на севере – преимущественно в границах Пружаны–Береза–Косово–Ивацевичи–Ганцевичи–Старобин–Любань–р. Птичь–Ельск–Словечно, на юге – Ратно–Любомль–Киверцы–Костополь–Коростень–Овруч [39, с. 378]. Ввиду того, что в ту эпоху население Западного Полесья не обладало сформировавшимся национальным самосознанием, коренные жители использовали для самоидентификации местные урбонымы и сельские этниконы, чередовали применение этнонима «полешуки» для определения своей идентичности с другими этнонимическими категориями.

Период с XVII по XVIII в. характеризуется как один из сложнейших этапов этнического развития белорусского народа, в частности белорусов-полешуков. На процесс внутриэтнической консолидации населения западнополесского края оказывал негативное влияние ряд внешне- и внутрисполитических факторов. Во-первых, это многочисленные вооруженные конфликты, в основе которых – внутренние противоречия на конфессиональной, этнической, сословной почве, а также военные

вторжения извне. Во-вторых, западнополесская шляхта, как и белорусское шляхетское сословие в целом, активно заимствовала культурные элементы у польской шляхты, тем самым отделяя себя (в контексте проблемы формирования общеполесской идентичности) от собственного народа. В-третьих, крестьяне – основная часть этнического белорусского массива, различные социальные группы горожан, значительная часть православного духовенства, некоторая часть мелкой и даже средней шляхты выступали против полонизации, сопротивлялись польской культурно-религиозной экспансии. В результате возникло членение культурного комплекса на элитарную, или культуру высших сословий (характерным проявлением ее было широкое использование заимствованных иноэтнических компонентов), и народную (крестьянскую) культуру. И именно в традиционной белорусской культуре, включая сформировавшийся западнополесский культурный комплекс, отражалась этническая специфика и проявлялось самосознание белорусов. В-четвертых, отрицательной была динамика демографического и миграционного процессов [19, с. 81–82].

К концу XVIII в. западнополесский край входил в состав Российской империи (в результате разделов Речи Посполитой, осуществленных более сильными на то время государствами). Одна часть территории западнополесского региона была отнесена к Гродненской, другая – к Минской губернии. Таким образом, этнические процессы в Западном Полесье протекали уже в иных

условиях, под влиянием иных концепций и идеологических установок по проблемам происхождения и этнокультурной идентичности населения края. Поневоле в очередной раз население региона, находящегося (так сложилось исторически) на самой линии цивилизационного разлома, где сталкивались интересы католического Запада и православного Востока, было вынуждено встраиваться в новую культурную систему. Католическая церковь уступила ведущую роль православию, а греко-католическая конфессия вообще была ликвидирована в связи с принятым Полоцким собором в 1839 г. решением воссоединиться униатам с православной церковью. Навязывание «польскости» как предпочтительной модели культуры и формы идентичности было заменено «великоросскостью». В системе образо-

вания русский язык стал основным, а польский, спустя время, был из нее исключен и т. д. И в будущем Западно Полесье еще не раз становилось местом преломления национальных и политических интересов – польских, украинских, советских и, собственно, белорусских, что тем или иным образом сказывалось на этнокультурной ситуации в регионе, способствовало формированию новых этапов этнической истории населения края.

Белорусский этнолог П. В. Терешкович, скрупулезно проанализировавший значительный массив научной литературы и статистические материалы, пришел к выводу, что в XIX – начале XX в. коренное население Западного Полесья (территория Кобринского, Брестского и юго-западной части Пружанского уездов) являло собой специфиче-

*Православная Спасо-Преображенская церковь и католический костел святых Петра и Павла – свидетельство переплетения исторических судеб разных направлений христианства в Западном Полесье. г. п. Логишин. Пинский район. Август 2010 г.
Фото В. В. Шейбака*

скую этнографическую группу. Пестрый этнический состав, своеобразие языковой ситуации и уникальный культурный ландшафт – все это, как справедливо отметил ученый в своей известной монографии «Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы» (Минск, 2004), имело следствием формирование разных взглядов, мнений, теоретических положений касательно этнической принадлежности жителей Западного Полесья. Большинство исследователей второй половины XIX – начала XX в. (в частности, этнографы Е. Карский и Е. Романов, историки Л. Василевский и М. Коялович, составители этнографических атласов Р. Эркерт и А. Риттих) склонялись к тому, чтобы считать значительную часть населения западнополесского региона украинцами, соответственно, и их язык – диалектом украинского языка [34, с. 85].

Некоторые исследователи (М. Довнар-Запольский, И. Эремич, Е. Бельницкий-Бируля) полагали, что коренные жители Западного Полесья, хотя и выделяются своеобразием черт этнической культуры, но все же более близки к белорусам, нежели к украинцам. Такого же мнения придерживался антрополог Ю. Талько-Гринцевич, но с оговоркой, что, исходя из анализа антропологических черт, полешуки являются самостоятельной группой [34, с. 86].

Исследователей, рассматривавших полешуков в качестве отдельной этнографической и лингвистической группы, немало. Так, еще в середине XIX в. П. Шпилевский,

опубликовавший (в форме путевых заметок) свои впечатления от посещения Западного Полесья, характеризуя жителей Пинского уезда Минской губернии, указал, что «вас поразит и остановит оригинальное, народное местное их наречие полесское, не совсем понятное для жителей великорусских губерний» [42, с. 32]. Русский православный священник Д. Г. Булгаковский, служивший в 1870-х гг. в Пинском уезде и занимавшийся собиранием местного фольклора, выделил то же лингвистическое своеобразие: «Пинчуки, они же и Полешуки... отличаются от всех других жителей этой окраины (Д. Г. Булгаковский имел в виду Северо-Западный край Российской империи, поскольку так в то время называлась территория современной Беларуси – *В. III.*) своими бытовыми особенностями, а еще более языком» [5, с. V]. С точки зрения П. Шпилевского, полесский диалект имел хождение от Бялой (Бяла-Подляски) и Хелма на западе до Синявки на северо-востоке, включая Брестский, Пинский и Кобринский уезды. Граница же между полесскими и белорусскими говорами практически совпадала с границей Минской губернии. «Палешуками», «пинчуками», «бужанами» («рушками») называл коренных жителей западнополесского региона П. Бобровский, отмечая при этом, что их язык в значительной мере отличается от украинского и белорусского, но не обособлен от них, а тесно связан с обоими. О том, что полешуки имеют ряд этнографических особенностей, отличающих их от белорусов и украинцев, писал А. Киркор. Белоруса-

ми считал «пинчуков» Т. Флоринский, но полагал вместе с тем, что в лингвистическом отношении они ближе к «малоруссам» (язык жителей Брестского, Кобринского и Пружанского уездов Гродненской губернии он причислял к подляшскому поддиалекту «малороссийского» языка). И. Зеленский характеризовал жителей Пинского уезда как самостоятельную группу, отличающуюся от украинцев, белорусов, «чернорусов» и имеющую свой язык, занимающий промежуточное положение между белорусским и волынским говорами [34, с. 87–88].

Отсутствие единого подхода среди исследователей, разность мнений и полученных выводов легко объяснимы сложностью этнокультурной ситуации в западнополесском регионе. На остроту проблемы этнической идентификации коренного населения Западного Полесья указывает и зафиксированное в статистических материалах разнообразие этнонимов: «славяно-русы» (более простая и распространенная форма «русины» или «руськие»), литовцы (скорее всего, «литвины»), белорусы, бужане и ятвяги [34, с. 88]. В целом, этнический состав населения региона (согласно сведениям, собранным Гродненским губернским статистическим комитетом при взаимодействии с силами полиции) к концу 1860-х гг. выглядел следующим образом (табл. 1) [34, с. 86].

Опираясь на данные этнической статистики, охарактеризовав множественность мнений, суждений, взглядов на проблему идентичности населения Западного Полесья, П. В. Терешкович не видит основа-

Таблица 1. Этнический состав населения Брестского, Кобринского, Пружанского уездов по материалам статистического исследования 1869 г.

Этническая группа	Население, чел.		
	городское	сельское	итого
Русские	615	144	759
Украинцы	811	140 202	141 013
Белорусы	7818	127 698	135 516
Поляки	949	4705	5654
Литовцы	43	7	50
Немцы	293	490	783
Евреи	17 729	18 054	35 783
Татары	101	9	110
Цыгане	0	15	15
<i>Всего:</i>	28 359	291 324	319 683

ний для того, чтобы однозначно отождествлять автохтонов региона с белорусским либо украинским этносом. Ученый также отметил, что именно в середине XIX в. была заложена традиция обозначать полешуков как украинцев, невзирая на имеющиеся локальные формы этнического самосознания [34, с. 90]. В последующем это не раз приводило к обострению западнополесского вопроса, весьма непростого (в связи с определением этнических границ в рамках решения проблемы формирования нации и создания своей государственности) и для украинского, и для белорусского национальных движений. В данном же контексте следует рассматривать зародившееся в интеллектуальной среде западнополесское движение, которое в начале 1990-х гг. явилось определенным этнополитическим вызовом для белорусского государства.

В результате проведения в 1897 г. Первой всеобщей переписи населения Российской империи на территории Гродненской губернии, в состав которой в то время входил западнополесский регион, было зафиксировано хождение до 40 местных говоров («наречий»), причем эта пестрота была характерна преимущественно для Западного Полесья. Присущее историко-этнографическому региону фольклорно-лингвистическое и этнокультурное разнообразие объясняется влиянием тех же факторов, которые выделялись и в прежние периоды: относительная изолированность сельских поселений, сохранение там самобытного уклада жизни, адаптированного к местным природно-климатическим условиям, традиционных способов

и форм жизнеобеспечения. По данным переписи, в конце XIX в. (принимая во внимание родной язык как основной маркер самоидентификации) этнический состав населения рассматриваемого региона был представлен следующими группами: белорусы – 46,7 %, украинцы – 29,9, евреи – 16,8, русские – 3,8, поляки – 2,4 % [37, с. 124]. Можно констатировать, что белорусы хотя и не составляли подавляющее большинство, но по численности являлись первой этнической общностью в регионе. Впрочем, здесь нельзя говорить о наличии у жителей Западного Полесья сформировавшегося этнического самосознания, т. е. о том, что в массе своей полешуки ясно осознавали свою общность с белорусами / украинцами, поскольку процесс оформ-

Многочисленные реки, озера, болота – один из основных компонентов природного ландшафта Западного Полесья, поэтому лодки в процессе жизнедеятельности белорусов-полешуков играли заметную роль. 1930-е гг. (источник: сайт телеканала «Настоящее время»)

ления единой (общей для всей территории Беларуси) этнической идентичности был еще далек от завершения.

Сохранявшиеся в начале XX в. изолированность как характерный признак и специфичность уклада жизни, мировоззрения белорусов-полешуков как этнолокальных групп хорошо описал этнограф И. А. Сербов (на примере поселений одного из микрорегионов Западного Полесья). В частности, он отмечал: «Во многих местах на Полесье по настоящее время еще наблюдается, что несколько соседних селений, расположенных в более или менее изолированной местности, составляют в этнографическом значении свою отдельную общину. При этом имя одного из составляющих селений, наиболее типичного, присваивается в качестве нарицательного всей

общине. По бассейну одной лишь р. Цны, левому притоку р. Припяти, можно насчитать до 10 таких общин... Все полешуки, хотя бы они жили и в других селениях, прозываются по имени центрального пункта своей общины. Поэтому на Полесье всем известны: денискоўцы, макоўцы, малкоўцы, бостынцы, дятелоўцы, бороўчане, бродничане, вичинцы, городчане и лахвинцы» [28, с. I–II]. В публикации 1910 г., т. е. на пять лет раньше И. А. Сербова, этнограф и фольклорист А. К. Сержпутовский дал столь же выразительную характеристику уклада жизни белорусов-полешуков, при этом выделяя природно-географическую обособленность территории их проживания как важнейший фактор, обеспечивавший сохранение коренными жителями аутентичных традиций материальной и духовной куль-

Ярмарка на р. Пине. 1930-е гг. Место хранения: Национальный цифровой архив Польши

туры: «Полешуки живут небольшими селениями, разбросанными на большом расстоянии одно от другого среди обширных лесов и огромных болот, в малодоступной, глухой местности, и живут, притом, очень изолированно. До самого последнего времени сюда слабо проникала городская культура, так что весь быт и уклад домашней и хозяйственной жизни сельского населения мало чем отличались от жизни его предков в XIV–XV столетиях» [29, с. 1]. На взгляд А. К. Сержпутовского, лишь с началом в 1880-е гг. строительства железных дорог на территории Полесья и проводившимися в середине 1870-х гг. работами по осушению некоторых полесских болот, приходится говорить о видимых новациях, нивелирующих (впрочем, далеко не по всему региону) отдельные элементы традиционной культуры белорусов-полешуков [29, с. 1].

1910–40-е гг. для Западного Полесья являются, пожалуй, одним из самых сложных, насыщенных влияющими на этнические процессы событиями, исторических периодов. В течение всего лишь нескольких десятилетий население региона пережило: две мировые войны; ряд менее масштабных конфликтов с участием вооруженных формирований, члены которых придерживались различных идеологий, этнополитических установок; несколько оккупаций, сопровождаемых многочисленными преступлениями и актами геноцида (говоря о массовых убийствах по этническому признаку на Брестчине, в первую очередь вспоминается немецкий оккупационный режим 1941–1944 гг.), – а также не-

сколько раз сменило гражданство в связи с перекраиванием границ и, соответственно, включением Западного Полесья в состав разных государств. Кроме того, многие жители покинули регион как добровольные (главным образом, по экономическим причинам) и вынужденные (беженцы) мигранты. Радикальные политические, идеологические и социально-экономические трансформации, крупные людские потери – все это не могло не повлиять на динамику этнического состава в рассматриваемом регионе, на этническое самосознание и выбор форм идентичности. Принимая во внимание все вышеперечисленные обстоятельства, необходимо особо выделить, что фактор природно-географической обособленности края по-прежнему оказывал влияние на протекание этнокультурных процессов. Такие характерные для Западного Полесья признаки, как периферийность, труднодоступная местность, низкий уровень урбанизации, удаленность от крупных научных, культурных и образовательных центров в какой-то мере замедляли осуществление ассимиляционных процессов (той же полонизации, проводимой в 1920–30-е гг.). Контролирующим регион управленческим структурам было непросто проводить политику по нивелированию черт, присущих коренному (особенно сельскому) населению края. Традиционализм, регионализм, локальная замкнутость, приверженность местным обычаям – все это способствовало сохранению белорусами-полешуками своей самобытности.

*Крестьянки-ткачихи за работой. Западное Полесье. 1930-е гг.
(источник: сайт телеканала «Настоящее время»)*

С 1914 г. и по начало 1920-х гг. западнолесский регион был ареной кровопролитного противостояния армий Российской, Австро-Венгерской и Германской империй (в Первую мировую войну 1914–1918 гг.), боевых столкновений просоветских, местных (белорусско-полесских) и украинских вооруженных формирований, находился под немецкой, а затем польской оккупацией. В контексте этнической истории края вызывает интерес время открытого притязания на этот регион со стороны Украинской Народной Республики (УНР), недолго просуществовавшего государственного образования, отметившегося своей деятельностью и на Западном Полесье. Ответ на вопрос, почему Белорусское Полесье рассматривалось украинским национальным движением как часть Великой Украины, заключается в убеж-

дении (отраженном, отметим, и в современной украинской историографии [2, 7, 8, 17, 22, 31, 32]), что основной этнического состава населения края являются украинцы, а не белорусы, что полешуки Брестчины идентичны полешукам Волыни. Данная концепция служила обоснованием для идентификации Западного Полесья как этнической украинской территории. Включение в августе 1918 г. Брестчины в состав Полеского округа (староства) Украинской Державы [2, с. 223] и развертывание на этой территории структурами УНР деятельности по организации процесса украинизации края (например, в г. Пинске издавались украиноязычные газеты, функционировали отделения Всеукраинского общества «Просвіта» («Просвещение») имени Тараса Шевченко) не были позитивно оце-

нены местным населением. На экспансию УНР белорусы-полешуки ответили массовым вооруженным восстанием (известно как Столинское, Дреговицкое, Полесское), кульминацией которого считается начавшееся в конце января 1919 г. сражение за Пинск. К началу февраля город был занят белорусскими повстанческими отрядами, но уже весной того же года сопротивление жителей края было подавлено польской армией [15].

В результате подписания в г. Риге в марте 1921 г. мирного договора между РСФСР (за себя и по полномочию правительства БССР), УССР, с одной стороны, и II Речью Посполитой (Польской Республикой) – с другой, была завершена советско-польская война 1919–1921 гг. и установлены государственные границы. Западное (Брестско-Пинское) Полесье отошло к Польше, и было

включено в состав крупнейшего воеводства страны – Полесского. Центром воеводства стал белорусский г. Брест (примечательно, что в 1923 г. город был переименован властями из Брест-Литовска в Брест-над-Бугом). Соответственно, население региона было вынуждено адаптироваться к новым политическим и социально-экономическим реалиям.

По данным проведенной в Польше в 1931 г. переписи населения (причем, по мнению некоторых польских исследователей, с учетом сложившейся политической конъюнктуры могла быть сознательно занижена доля иных этнических групп в пользу польского этноса), в Полесском воеводстве этнический состав населения характеризуется, во-первых, полиэтничностью, во-вторых, отчетливо выраженным превалярованием региональной (локально-территориальной) формы идентичности

Административный квартал, возведенный в 1920–30-х гг. в г. Бресте по ул. Люблинской унии (современная ул. Ленина). 1941 г. (источник: сайт издания «Беларуская праўда»)

над этнической. Так, из 1131,9 тыс. жителей воеводства бóльшая часть – 708,2 тыс. человек (62,6 %) – назвали в качестве родного «тутэйшы» (т. е. здешний, местный – определение, не указывающее на конкретный этнос / нацию) язык. Необходимо сделать важную оговорку, что на территории Беларуси в крестьянской среде именовали «тутэйшым» («простым», «мужыцким») белорусский язык, и было бы неверным исключать сохранение подобной традиции у части населения Брестчины. Лиц, обозначивших родным польский язык, было всего лишь 164,1 тыс. человек (14,5 %), белорусский язык – 75,4 тыс. человек (6,6 %), украинский язык – 54,0 тыс. человек (4,8 %). 113,0 тыс. человек (10,0%)

отметили, что их родные языки – идиш и иврит [14].

Таким образом, мы получаем вывод, что основная масса населения края (чуть более 2/3) изъяснялась на полесских диалектах и белорусском языке, и не обладала устойчивым этническим самосознанием, предпочитая идентифицировать себя как местных, т. е. полешуков. Примечательно также, что полешуки проживали в основном в сельской местности. Городское население было представлено преимущественно поляками и евреями. К примеру, по сведениям на 1930 г., в Бресте в общей численности горожан доля евреев составляла 47,0 %, поляков – 46,8, в Пинске – 72,0 и 19,0 % соответственно [30].

Групповой снимок жителей г. Бреста во дворе дома по ул. Широкой (современный б-р Космонавтов). Межвоенный период (1920–30-е гг.) (источник: сайт издания «Беларуская праўда»)

Оглавление

Введение (<i>Гурко А. Вл.</i>).....	3
1. Этническая история Западного Полесья (Брестчины) (<i>Шейбак В. В.</i>).....	9
2. Этноконфессиональная история Западного (Брестского) Полесья (<i>Гурко А. Вл., Гурко А. Викт.</i>).....	50
2.1. Конфессии в Западном Полесье в X–XIX вв.	51
2.2. Особенности развития этноконфессиональной структуры Западного (Брестского) Полесья в XX – начале XXI в.	109
3. Этническая культура населения Западного Полесья (Брестчины) в работах исследователей XIX – начала XXI в.	226
3.1. Этнографическое изучение материальной культуры населения Западно- го Полесья XIX – начала XXI в. (<i>Бочило И. Г.</i>)	227
3.2. Труды польских этнологов, посвященные особенностям социальной куль- туры населения Западного Полесья в 1920–30-х гг. (<i>Олюнина И. В.</i>).....	253
4. Этносоциальная структура Брестчины в XX – начале XXI в.	275
4.1. Общественно-культурная деятельность этноконфессиональных общно- стей Полесского воеводства в 1921–1939 гг. (<i>Вабищевич А. Н.</i>).....	276
4.2. Особенности этносоциальной структуры населения Брестской области в конце XX – начале XXI в. (<i>Крумлевская А. А.</i>).....	358
4.3. Деятельность национально-культурных объединений Брестской обла- сти на современном этапе (<i>Крумлевская А. А.</i>).....	364
5. Семья и семейные традиции в Западном (Брестском) Полесье	376
5.1. Семья и традиции воспитания детей в полесской семье (<i>Ракова Л. В.</i>).....	377
5.2. Демографические процессы и особенности семейно-брачных отношений населения Брестчины в советский и современный периоды (<i>Романенко И. В.</i>)	396
6. Календарные праздники Западного Полесья (<i>Швед И. А.</i>)	418
7. Материальная культура населения Западного Полесья (Брестчины)	495
7.1. Места памяти в Брестской области (<i>Грунтов С. В.</i>)	496
7.2. Традиционный костюм населения Западного и Центрального Полесья в конце XIX – первой половине XX в. (<i>Ракова Л. В.</i>).....	518

7.3. Традиции питания белорусов в Западном Полесье (<i>Новгородский Т. А.</i>).....	555
7.4. Культура традиционного питания этнических общностей Брестской области в конце XX – начале XXI в. (<i>Бункевич Н. С.</i>).....	582
7.5. Традиционные ремесла и промыслы Брестчины: актуализация и трансляция на современном этапе (<i>Прокофьева Ю. С.</i>)	600
Заключение (<i>Гурко А. Вл.</i>)	618